

14 марта 1841 г.

Болтовня французских журналов о приготовлении к войне меня не удивляет, я привык к их вранью. Что же касается закавказских дел, то они отчасти справедливы. В нынешнем году будут усилены действия на левом нашем фланге, то есть в Дагестане и Чечне. Государь назначил в подкрепление Кавказскому корпусу 14-ю пехотную дивизию из Крыма и, как говорят, оставляет ее и на будущее время в нашем распоряжении.

План экспедиции следующий. Главный отряд откроет действия в Дагестане и, может быть, пойдет на усмирение Аварского ханства, где Шамиль имеет своих сообщников. Другой отряд — генерал-адъютанта Граббе — будет действовать в Чечне, часть которой возмущалась, а другая никогда не была покорной. Оба эти отряда соединятся пред укрепленною дер. Чиркей (5000 дворов) и возьмут ее (дай-то Бог!). Для охранения Военно-Грузинской дороги оставляется 4 батальона. В центре будут строить Ляблинскую линию 8 батальонов под начальством генерал-лейтенанта Засса. По берегу Черного моря полковник Муравев будет строить крепость Гагры и начинать прочие с 4 батальонами. Дагестанский отряд берет с собой 8 двенадцатифунтовых пушек и полупудовых единорогов, от которых ожидают лучшего действия, чем от легких орудий. Сегодня получено в штабе довольно странное донесение, которое мы никак не можем понять. Вот в чем дело. В дагестанских горах сейчас свирепствует страшный голод. Лезгини ходят просить хлеба к соседям и терпят крайнюю нужду. Чеченцы, взбунтовавшиеся и непокорные, вдруг прислали своих старшин просить у генерал-майора Ольшевского позволения брать приходящих к ним за хлебом лезгин и продавать их племенам западной части Кавказа. Ольшевский разрешил и донес на утверждение, но это так удивительно, что я несколько предпологаю здесь какой-то тайный умысел. С какой стати непокорным племенам просить позволения в том, что им запретить не могут. И зачем им вооружать против себя лезгин, с которыми они в тесной связи родства и дружбы и с которыми они будут вместе сражаться против русских в нынешнем же году.

Я думаю, что со стороны чеченцев это тонкая штука, которую они хотят [234] провести нас. Они сами не могут прокормить лезгин и потому желают отправить их на запад для прокормления и возмущения племен, которые и без того в непрерывных стычках с нашею армиею. Но как этим партиям трудно пройти линию Военно-Грузинской дороги, то чеченцы, вероятно, и выдумали продажу, дабы под видом ее переправлять лезгин.

У нас разнесся слух, будто здесь было дело с горами, в котором убито русских 600 чел. Это ложь. Но вот ее происхождение. Сюда приехал нынешнею осенью состоявший при великом князе генерал-майор Бакунин. Он артиллерист и имел поручение осмотреть все артиллерийские гарнизоны в России. Объехав Черноморскую береговую линию, он через Тифлис прибыл в Дагестан, в крепость Темир-Хан-Шуру к генерал-майору Клюгенову. Оттуда он хотел быть в крепости Грозной. Но как тут нельзя проехать без конной, то генерал Клюки фон Клюгенов и дал ему в прикрытые шлемы батальон. Этого было слишком достаточно для конной. Но дорогому Бакунину узнал, что недалеко отсюда находится один из мюридов Шамгеля, и потому, желая схватить награду, ленту или чин, он свернул с дороги и направился на деревню, в которой находился этот возмутитель. При отряде состоял по собственному желанию Генерального штаба капитан Пасек.

Достигнув деревни, они принялись атаковать ее, но горцы укрепились весьма сильно и держались отчаянно. Русских осыпая градом пуль, Бакунин получил тяжелую рану. Подполковник тоже, оба они оставили фронт и капитан Пасек принял команду и продолжал атаку. Деревня была взята, оставалось взять еще одну башню, но так как возмутитель ушел и наша потеря была чувствительна, то капитан Пасек ограничился сожжением деревни и продолжал свой путь. В этот день мы лишились 7 офицеров ранеными, 180 рядовых убитыми, сам Бакунин теперь умер от ран. Пасек один ушел. Дело это приносит честь русскому оружию, но оно не имело результатов, соразмерных с потерей. Ее можно было остановить в самом начале (после ран Бакунина и батальонного командира). Но Пасек не хотел отступить, чтобы не возвысить моральный дух неприятеля, и поступил очень хорошо. Подробности цельмесского дела еще неизвестны. Пасек прислал только краткие донесения. Из всего этого дела видно, что о Бакунине нечего жалеть, он сам заварил кашу, которую не мог размять. Вообще эти господа, приезжая из Петербурга, думают, что на Кавказе можно воевать по правилам тактики (которую они, впрочем, не знают), бросаются в огонь, не имея понятия об образе войны горцев, и ломают себе шею. Впрочем, Бакунин храбрый и добрый генерал. Да послужит это уроком и для других, которые судят о Кавказе, сидя на мягких диванах в Петербурге...